

Ольга Фокина: «Что писать, а что не писать - мне никто и никогда не диктовал»

Она писала стихи зеленкой на оборотной стороне горчичников, никогда не любила летать, но смогла побывать в Италии, Австралии и Канаде, и видела заплаканную невесту Рубцова за шесть дней до трагической гибели поэта. Об этом и многом другом нам рассказала известная поэтесса Ольга Фокина, первой ответившая на вопросы журналистов-красносеверцев в рамках нового проекта «Клуб друзей «Красного Севера», посвященного грядущему 100-летию нашей газеты. Интересно, что встреча состоялась в помещении культурного центра «Красный угол», в том самом здании, где с 1925-го по 1973 год размещалась редакция газеты «Красный Север». И первый вопрос также оказался связан с нашей газетой.

Ольга Александровна вспомнила свои первые журналистские и стихотворные опыты. | Фото Сергея Юрова

ИНТЕРВЬЮ

ИСПРАВЛЕННОМУ ВЕРИТЬ!

- Ольга Александровна, в 1963 году в газете «Красный Север» было впервые напечатано ваше стихотворение «Матери». Только оно почему-то подписано «Л. Фокина». Это ваш псевдоним?

- Думаю, что это опечатка, ведь даже солидные газеты не застрахованы от единичных ошибок.

- Так, может, настало время исправить эту ошибку?

- Давайте попробуем! (После этих слов Ольга Александровна зачеркнула ошибочную подпись под своим стихотворением, написала «Ольга Фокина» и расписалась на старом газетном листе).

- Этот номер датирован 16 ноября. Именно тогда ведь и начался ваш вологодский период жизни, растянувшийся более чем на полвека?

- Действительно, я попала на Вологодчину осенью 1963 года, после окончания Московского литературного института имени Горького. Попала благодаря участию Ивана Полуянова и Сергея Викулова, тогда секретаря областной организации Союза писателей. К тому времени в издательстве «Молодая гвардия» уже вышел мой первый поэтический сборник «Сыр-бор», а в июне 1963-го я получила членский билет Союза писателей СССР. В молодежной газете предложили поработать литературным сотрудником и практически сразу же дали жилье - комнату на Октябрьской, 19, где впоследствии жил Василий Белов.

Я должна была писать статьи и ездить в командировки. Первым моим заданием было подготовить материал про человека, видевше-

го революцию своими глазами. Имя его, к сожалению, я уже не помню, а вот фамилия отложилась в памяти - Некрасов. По итогам встречи с ним я подготовила интервью в стихах, озаглавив его «Старик Некрасов».

- И что, прямо в таком виде и опубликовали?

- Да, материал вышел на страницах газеты в стихотворном варианте. Тогда в «Вологодском комсомольце» подобрался молодой, но творческий коллектив, не боявшийся экспериментов. Редактором был Аркадий Шорохов, ответственным секретарем - Владимир Аринин. Также вместе со мной работали Римма Минина и Лена Дуганова, дружбу с ними я сохранила на долгие годы. Запомнилось, как летала в свою первую командировку в Тарногу. Хорошей дороги в то время туда еще не было, в основном добирались на самолетах-«кукурузниках». А я летать не любила и не люблю. Но, естественно, в командировку поехала, привезла оттуда очередной материал в стихах, где были и такие строки: «А до Тарноги не долпить водой, а по воздуху я ездок худой». Стихотворение понравилось как редактору газеты, так и самим тарножанам. Мне потом из района неоднократно разные гостиницы присылали, в том числе знаменитый тарногский мед.

В «Вологодском комсомольце» проработала меньше года перед тем, как окончательно

стала заниматься только творчеством. На литературной странице «Красного Севера» регулярно публиковались мои стихи, и старейшая областная газета стала для меня настоящим другом. На протяжении всей своей вековой истории «Красный Север» был настоящей творческой отдушиной как для начинающих, так и для уже признанных литераторов. Сборники стихов выходили не так часто, а через газету они могли напрямую общаться с читателями.

«УВЕРАЕВУ Я НЕ ЧИТАЛА»

- Это правда, что первые стихи вы записывали на горчичниках?

- После окончания школы-семилетки я уехала в Архангельск, в медицинское училище, которое закончила с отличием. Стала заведующей медпунктом лесозащитного участка Ягрыш, объединявшего несколько отдаленных поселков. Добиралась до них пешком, на лыжах и верхом на лошади. А так как стихи могли рождаться в любое время суток и в любой обстановке, их приходилось записывать на любом клочке бумаги, что попадался под руку. Иногда это была оборотная сторона медицинских горчичников, иногда - испорченные бланки больничных листов. Чернила тоже не всегда были под рукой, так что порой приходилось использовать вместо них зеленку, которая со временем выцветала.

- Но непосредственно на прямые медицинские обязанности времени хватало?

- Не хватало на стихи - все забирала работа. Помню, заподозрила у гостившего в деревне ленинградского мальчика начинающийся полиомиелит. В нашей стране это достаточно редкое заболевание. Районная больница подтвердила мой диагноз. В итоге всем окрестным детям в возрасте от полутора до 14 лет пришлось делать профилактические прививки. Ребятишки меня даже бояться стали, но зато никто из них больше полиомиелитом не заболел.

- Согласитесь, что далеко не каждому сельскому фельдшеру удается попасть в

число студентов престижного столичного вуза. Как вы оказались в Москве?

- О существовании литературного института узнала, еще учась в Архангельске. Будучи фельдшером, как-то поехала в райцентр за лекарствами. Взяла с собой несколько рукописных текстов, отнесла их в редакцию районной газеты, попросила отпечатать на машинке. Затем письмом отправила их в приемную комиссию Московского литературного института. Хотела учиться там заочно и продолжать работать фельдшером, но вмешался случай, косвенно связанный с Мариной Цветаевой.

- А разве в 50-е годы в Советском Союзе это имя еще не было под запретом?

- Да, но стихи Цветаевой помнили, и рецензенту, поэту Александру Коваленкову, показалось, что мои присланные в письме строки чем-то похожи на цветаевские. Получила из Москвы рукописное письмо, где меня прямо спрашивали, как я отношусь к творчеству Цветаевой. Но письмо было написано крупным, размашистым почерком, и фамилию Цветаева я прочла как Увераева. Никакой Увераевой я не знала и честно написала об этом в приемную комиссию. Вскоре пришел ответ, что меня готовы пригласить на экзамены в литинститут, и желательнее на очное отделение. Я рассчиталась на работе и поехала в Москву.

- Чем запомнились годы учебы в литинституте?

- Это было едва ли не лучшее время в моей жизни. Учиться было действительно интересно. В вузе в то время подобрался блестящий педагогический состав, в числе руководителей творческих семинаров были Евгений Долматовский, Лев Ошанин, Сергей Смирнов, Михаил Светлов. Рядом с институтом была редакция журнала «Новый мир» под началом Александра Твардовского. Но он литинститут недолюбливал, а вот Михаил Шолохов приходил к нам неоднократно. Там же, в вузе, я познакомилась с вологодскими писателями - Сергеем Викуловым, Василием Беловым, Александром Романовым. А вот Николай Рубцов поступил в

Первым моим заданием было подготовить материал про человека, видевшего революцию своими глазами. По итогам встречи с ним я подготовила интервью в стихах, озаглавив его «Старик Некрасов».

Ольга ФОКИНА,
поэтесса.

институт на пять лет позже меня, и наше общение с ним началось уже непосредственно в Вологде.

- В конце 50-х - начале 60-х годов встречи с поэтами собирали целые залы, на их публичные выступления, как в театр, приходили целыми семьями...

- Когда я училась, встречи читателей с поэтами и писателями проходили не только в больших залах, но и в книжных магазинах, рабочих цехах, на фабриках и заводах. Для выступлений на таких встречах привлекали и нас, студентов литинститута. Помню, однажды я выступала в книжном магазине вместе с поэтом-сибиряком Василием Федоровым, после чего он подарил мне свою книгу с дарственной надписью: «Сосестре по поэзии». А еще запомнились уличные выступления поэтов, проходившие в Москве, на площади Маяковского, и также собиравшие большие толпы людей. Зачастую несколько поэтов выступали здесь одновременно: например, с одной стороны четырехрядного постаменты памятника Маяковскому свои стихи читал Роберт Рождественский, а с другой - Андрей Вознесенский.

- Откуда вы черпаете свое вдохновение?

- Из повседневной жизни, от встреч с людьми и впечатлений от поездок по разным районам Вологодской и Архангельской областей. Хочу сказать, что повседневность меня никогда не угнетала и я во всем находила свои прелести. Помню, когда появилась дочка Инга, я качала ее в коляске, и этот ритмичный звук меня не раздражал, а наоборот, под него хорошо сочинялись стихи.

- Кстати, почему для дочери вы выбрали столь редкое для Вологодчины имя - Инга?

- Я любила кататься на коньках, а тогда в нашей стране на слуху была конькобежка Инга Воронина, многократная чемпионка и рекордсменка мира. В январе 1966 года она трагически погибла - ударом ножа в сердце ее в порыве ревности убил собственный муж. Кроме того, примерно в это же время на экраны вышел художественный фильм «Колдунья», где главной героиней была Инга, очаровательное дитя природы. Теперь моя Инга выросла и тоже стала поэтом, причем для меня она не только дочь, но и достойный собеседник. Свои новые стихи, как правило, я первой читаю ей. А вообще наша семья уникальна тем, что в ней сразу три члена Союза писателей: я, Инга и муж Александр Чурбанов, тоже выпускник литературного института.

- Когда оба супруга - творческие личности, между ними нередко возникают трения на профессиональной почве. У вас тоже так было?

- К сожалению, да. Саше оказалось непросто примириться с тем, что у меня в те годы было больше признания, поэтические сборники регулярно печатались. Его мужское самлюбие от этого страдало. Вместе с Сашей мы прожили примерно 10 лет, потом в силу обстоятельств разъехались, хотя официально не были разведены. В любом случае, я благодарна этому человеку за многое. В том числе и за наших детей.

ОРГВЫВОДОВ НЕ ПОСЛЕДОВАЛО

- Как вы считаете, почему именно на 70-е годы пришелся расцвет вологодской писательской организации, гремевшей тогда на всю страну?

- Думаю, тут совпало сразу несколько факторов. Во-первых, именно в этот период на Вологодчине жили и творили такие яркие личности, как Василий Белов, Александр Романов, Сергей Викулов, Виктор Коротяев, Николай Рубцов и многие другие. Во-вторых, областная власть в лице первого секретаря обкома Анатолия Дрыгина благоволила писателям и поэтам - нам тогда и книги печатать помогали, и квартиры давали. Да и Союз писателей СССР нас не забывал - поддерживал материально и интересными творческими командировками, например, в Канаду и Австралию.

- А как же пресловутый «железный занавес» и якобы тотальная в те годы цензура на все произведения советских авторов?

- Различные ограничения и условности, конечно, были, но они явно не носили тотального характера. Хотя могли «прицепиться» по самым разным поводам. Как-то по линии Всесоюзного бюро пропаганды литературы меня пригласили в Москву, чтобы в составе

i

Ольга Александровна Фокина родилась в Верхнетоемском районе Северной (ныне - Архангельской) области в крестьянской семье. С осени 1963 года, после окончания Московского литературного института имени Горького, живет и работает в Вологде. Автор более 30 поэтических сборников. Многие песни на стихи Ольги Фокиной в исполнении Людмилы Сенчиной, Альберта

СПРАВКА

Ассадулина, Олега Анофриева, Валентины Толкуновой и других популярных артистов стали всенародно любимыми. Награждена орденами Трудового Красного Знамени, Дружбы народов и «Знак Почета», лауреат Государственной премии РСФСР, Большой литературной премии России и многих других. В 2013 году Ольге Фокиной присвоено звание почетного гражданина города Вологды.

творческой группы выступить перед слушателями различных аудиторий. Первый вечер в концертном зале имени Чайковского, я читаю свое новое стихотворение о том, как мама ко мне в Москву приехала - в целом лирическое, но с некоторым намеком на социальные проблемы. Закончила читать - овация. На следующий день - выступление в Колонном зале Дома Союзов. Я, воодушевленная своим вчерашним успехом, снова собираюсь декламировать это стихотворение. Но представители бюро пропаганды сказали - мы тебе не рекомендуем. Почему? «Есть такое указание», - ответили. Я не послушалась, снова его прочла. После выступления мне уже открытым текстом заявили: «Мы запрещаем тебе читать это стихотворение!» Пришлось на время подчиниться.

- А почему только на время?

- После Москвы были выступления в Ленинграде. Директор бюро пропаганды Дмитрий Ефимович Лешкевич разрешил мне читать все, что я сочту нужным, пообещав, в случае чего, разделить ответственность. Но никаких оргвыводов, похоже, так и не последовало.

- В постперестроечные годы звучали предположения, что чуть ли не вся крестьянская поэзия и проза советской эпохи стала проектом КГБ. Вас тоже опекали представители небезызвестных органов?

- Когда ездили от Союза писателей за границу, у нас были «сопровождающие», но что писать, а что не писать - мне никто никогда не диктовал.

ПРО ЗАЙЦА

- Кого из вологодских поэтов вы считаете самым талантливым?

- Талантлив каждый по-своему, а наиболее яркий - Николай Рубцов. Но как человека я его не идеализирую. У него был непростой, а временами и тяжелый характер. То, что сейчас говорят про его быт с пьянками-гулянками, - отчасти правда. Я сама была свидетельницей одного такого скандала, так как не часто, но общалась как с самим Колей, так и с его гражданской женой Людмилой Дербиной (Грановской). Оба были творческими людьми и, естественно, честными. Последний раз заплаканная Дербина приходила к нам с сетованиями на Рубцова за шесть дней до роковой ночи.

- От кого вы узнали о трагедии?

Молодая поэтесса Ольга Фокина выступает на стадионе в Архангельске.

- Утром позвонили из вологодского отделения Союза писателей, сказали, что Николай Рубцов умер. Всех подробностей его смерти, видимо, еще не знали. Я не могла поверить, заплакала. Потом одела еще маленькую Ингу, и мы вместе пошли в Союз писателей. По пути зашли в «Детский мир», купили дочери заводного зайчика. Вот под скок этого зайца по союзписательскому столу я и узнавала подробности. Был суд, Дербину приговорили к восьми годам колонии. Но через четыре с небольшим года освободили условно-досрочно. Потом она мне звонила из Вельска, спрашивала, как отнесусь к тому, если она решит вновь вернуться на Вологодчину. Я ей честно ответила, что писательская организация и общественность Колиной смерти ей не простят. На том наши контакты с ней прекратились. А вот с игрушечным зайчиком, купленным в день смерти Рубцова, случилась почти мистическая история. Возможно, это было просто совпадением, но стали замечать, как только его заведем, через несколько дней кто-то из знакомых умирает. Поэтому потом старались его совсем не доставать.

- И где сейчас этот зайчик?

- Дома, но заводной механизм в нем давно уже сломан. На всякий случай.

ПЕСНЯ С ПЛАСТИНКИ

- Сразу несколько ваших стихотворений переплелись в песни. В числе самых известных - «Звездочка моя ясная» в исполнении ВИА «Цветы». Вы можете рассказать историю ее появления?

С игрушечным зайчиком, купленным в день смерти Рубцова, случилась почти мистическая история. Возможно, это было просто совпадением, но стали замечать, как только его заведем, через несколько дней кто-то из знакомых умирает.

Ольга ФОКИНА,
поэтесса.

- Увы, не могу. Но не потому, что не хочу, а оттого, что не знаю этой истории. Перед тем как переложить слова на музыку, никто ко мне не обращался, с композитором я тоже не разговаривала. Первый раз услышала песню уже тогда, когда она вышла на грампластинке, и мне тот вариант, откровенно говоря, не очень понравился. В песню не попало последнее четверостишие, которое для меня дорого. Меня несколько раз приглашали на концерты ВИА «Цветы», но я так и не поехала. Со временем песня стала нравиться в исполнении других певцов - Алексея Гомана, Димы Билана, Бориса Гребенщикова, Валерия Меладзе и солиста из шоу «Голос» на Первом канале Влади Блайберга.

- Ольга Александровна, вы считаете себя счастливым человеком?

- К сожалению, нет. Многие из того, во что мы верили в юности, так и не сбылось. Горько мне и от того, что происходит в российском селе, - пустеют деревни, зарастают бурьяном поля.

- В этом году юбилей не только у «Красного Севера», но и у вас. Готовитесь встретить их новыми стихами?

- Я не прекращала их писать ни в 90-е годы, ни в «нулевые». Просто изменилась жизнь, изменились сами люди - отношение к поэзии уже не такое, каким оно было 50 лет назад. Но есть и те, для кого стихи по-прежнему необходимы. В том числе и для гармонии в душе. В 2013 году в свет вышел очередной мой поэтический сборник «Маятник». (За эту книгу Ольга Александрова получила Всероссийскую литературную премию имени Александра Прокофьева - Прим. ред.) Есть у меня и совсем новые стихотворения, одно из них буквально вчера написала. Прочитать?

- Конечно!

- Ни копыт и ни хвостов:
Деревенка спит убога.
Пропадает сена стог,
И копна - обширней стога.

Было лето всем летам -
По хорошим дням - на зависть:
Молодые тут и там
Буйно травы поднимались.

Пер пырей! Переплетал
Стать его горох мышинный,
Клевер ало зацветал
По буграм и по лощинам.

Пахла кашка! Зверобой
Золотился, зазывая
Забрести в травы прибой
И в траве тебя оставить...

И нашелся человек:
Не остался равнодушен,
Дал косе лихой разбег,
Травяной прибой разрушил.

Полегли к его ногам
Клевера, пыреи, кашки,
Чтобы стать большим стогам...

И стоят они, бедняжки,
Тишиной окружены,
Непроезжими снегами,
Но и все-таки нужны!
Для чего? - не знают сами...

Беседовали Надежда Кузьминская,
Евгений Стариков, Светлана Дамирова,
Надежда Демидова
и Владимир Романов.